

Б. И. ЯЦЕНКО

Кто такой Борис Вячеславич «Слова о полку Игореве»?

Современники автора «Слова» еще, возможно, помнили о трагической судьбе Бориса Вячеславича, князя-изгоя, погибшего в битве на Нежатиной ниве 3 октября 1078 г. Поэтому автор не отступает от главной темы рассказа о мужественном Олеге Святославиче, который «мечем крамолу коваще» в борьбе за черниговскую отчину, и говорит о князе Борисе мельком, рассчитывая на исторические познания читателей: «Бориса же Вячеславича слава на судь приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя».¹

События, на которые автор «Слова» только намекает, полнее освещены в летописях. После смерти Святослава Ярославича (1076 г.) князь Изяслав с помощью поляков возвращается на Русь и начинает мстить Святославичам за свое изгнание из Киева в 1073 г. Олег, отозванный из Волыни, живет в Чернигове под надзором Всеволода. Его положение очень ненадежно: в любое время он мог стать жертвой заговора Изяслава и Всеволода Ярославичей.

В апреле 1078 г. князь Олег уходит в Тмуторокань, чтобы силой добиться получения удела в Русской земле. Но фактически отчинную войну вслед за Всеславом Полоцким начинает князь Борис в мае 1077 г. Воспользовавшись временными затруднениями Всеволода Ярославича, на которого с запада наступал Изяслав с поляками, Борис входит в Чернигов и княжит там 8 дней, до подхода Владимира Всеволодовича из Киева. Потерпев неудачу, князь Борис бежит в Тмуторокань. Уже в следующем году он вместе с Олегом возвращается в Чернигов, но в решающей битве гибнет. Тмутороканские князья были разбиты.

Об этом сообщает Ипатьевская летопись: «... первое убиша Бориса сына Вячеслава, похвалившася велми».² То же находим в Лаврентьевской,³ Никоновской⁴ летописях, в Московском летописном своде конца XV в.,⁵ в летописных сводах 1497⁶ и 1518 гг.⁷ и во Владимирском летописце.⁸ Считают, что Борис — сын Вячеслава Ярославича (Олег перед боем обращается к Борису: «... пошлыве с молбою к строема

¹ Текст «Слова о полку Игореве» в статье цитируется по изданию: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

² ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стлб. 192.

³ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стлб. 201.

⁴ ПСРЛ, т. IX—X. М., 1965, с. 108.

⁵ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 11.

⁶ ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 23.

⁷ ПСРЛ, т. XXVIII, с. 177.

⁸ ПСРЛ, т. XXX. М.—Л., 1965, с. 49.

своима»).⁹ Значит, Олег и Борис — двоюродные братья, племянники Изяслава и Всеволода.

Но вот интересное сообщение под годом 1079-м в Вологодско-Пермской летописи (XV—XVI вв.): «Того же лета убиен бысть Изяслав Ярославич з Борисом Святославичем у града Чернигова»,¹⁰ т. е. под Черниговом погиб не сын Вячеслава, а сын Святослава. Олег и Борис — родные братья. Этот факт отражен и в «Истории российской» В. Н. Татищева.¹¹ Еще больше запутывает проблему Софийская I летопись, где в статье под годом 1079-м читаем: «Того же лета убиен бысть Изяслав Ярославич с Борисом Святославичем, бьяся по Всеволоде со Олгом Святославичем и с Борисом Вячеславичем у града Чернигова». ¹² Такое же сообщение в Новгородской V ¹³ и Никаноровской ¹⁴ летописях.

Несмотря на то что здесь явный анахронизм, — сообщается о битве под Черниговом под годом 1079-м, после описания гибели Романа Святославича, — тем не менее возникает проблема: кто был убит под Черниговом — Борис Вячеславич или Борис Святославич?

М. В. Ломоносов, как и В. Н. Татищев, относит князя Бориса к детям Святослава Ярославича.¹⁵ Другие историки XVIII в. тоже считают, что под Черниговом погиб Борис Святославич. Ничего не разъясняют и родословные книги XVIII в., которые говорят и о Борисе Святославиче, и о Борисе Вячеславиче.¹⁶

Но обратимся к более ранним источникам. В Любецком Синодике, например, Бориса Святославича нет, хотя автор перечисляет всех князей из рода Святослава Ярославича, которые владели Черниговом.¹⁷ Правда, Филарет Гумилевский в своей Родословной черниговских князей называет второе имя князя Романа — «Роман Борис Святославич». ¹⁸ Но если даже второе имя Романа было Борис, он не мог занимать Чернигов в 1077 г. Повесть временных лет недвусмысленно констатирует: «. . . седе Борис в Чернигове месяца мая в 4 день, и бысть княженья его дни 8, и бежа Тмутароканю к Р о м а н о в и». ¹⁹ «Красныи» Роман, воспетый Бояном, был убит половцами в переяславской степи в 1079 г. Наконец, в Изборнике Святослава 1073 г. изображен Святослав Ярославич с сыновьями Глебом, Давыдом, Олегом, Романом и младенцем Ярославом. Князя Бориса среди них нет. Если даже он родился после 1073 г., то не мог принимать участия в политических событиях 70-х годов XI в.

Значит, автор «Слова» не ошибся: под Черниговом погиб именно Борис Вячеславич. Но и здесь многое неясно: почему, например, Борис Вячеславич не включен в Любецкий Синодик, ведь он был черниговским князем? Кажется, лучше всего этот вопрос решен у Р. В. Зотова: «Неупоминание в Синодике о некоторых известных по летописи князьях, владевших в разное время Черниговом (Всеволод Ярославич, Владимир Всеволодович Мономах, Борис Вячеславич), показывает. . . , что, по понятиям

⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 192.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959, с. 44.

¹¹ В. Н. Татищев. История российская, т. II. М.—Л., 1963, с. 92—93.

¹² ПСРЛ, т. V, вып. 1. Л., 1925, с. 147.

¹³ ПСРЛ, т. IV, ч. II, вып. 1. Пгр., 1917, с. 136.

¹⁴ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 27.

¹⁵ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6. М.—Л., 1952, с. 349.

¹⁶ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, ч. I. М., 1787, с. 19, 51, 53; см. также: Родословныя владетельных князей российских [6 г. и м.], роспись I, III.

¹⁷ Р. Вл. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому Синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

¹⁸ Там же, с. 245.

¹⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 190.

составителя Синодика, они не имели права быть помещенными в Синодике черниговских князей, как не происходившие от Святослава Ярославича Черниговского».²⁰

Очень противоречивы сведения о самом Вячеславе, который родился в 1036 г. (по некоторым источникам — в 1033 или 1034 г.) и умер в 1057 г. В одних родословцах Вячеслав старше Игоря, брата своего, женат на Оде, графине штадесской.²¹ В «Бархатной книге» Вячеслав младше Игоря.²² Если учесть, что Вячеслав Ярославич был посажен отцом в Смоленске, где не было еще епископии, а Игорь княжил во Владимире-Волынском, где епископия была одной из старейших (992 г.), то напрашивается вывод, что Вячеслав — самый младший среди Ярославичей. М. В. Ломоносов фиксирует, что на графине Оде был женат Святослав Ярославич.²³

Однако эти неувязки еще ничего не доказывают, потому что не так важно, на ком был женат Вячеслав. Основное противоречие возникает именно в том случае, если согласиться, что князь Борис был сыном Вячеслава Ярославича. Самый младший среди внуков Ярослава, «седе Борис в Чернигове». И горожане приняли его охотно. Здесь историческая загадка. Возможно ли, чтобы Чернигов — вторая столица Руси — принял князя, который мог рассчитывать только на незначительный удел или даже на роль подручного? Разве могли горожане подвергнуть себя такому неслыханному унижению? По наследственному праву, установленному Ярославом Мудрым, сын Вячеслава Ярославича не мог претендовать на Чернигов.

От смерти Святослава и до возвращения Изяслава с сыновьями на Русь — с декабря 1076 г. по июль 1077 г., — когда Всеволод Ярославич был великим киевским князем, право на Чернигов в династии Ярослава могли иметь только Святославичи. Поэтому позднейшие летописцы решили, что названный без отчества Борис, пытавшийся утвердиться в Чернигове в мае 1077 г., был сыном Святослава Ярославича Черниговского и Киевского. Но никто из Святославичей не делал попытки обосноваться тогда в Чернигове, а самого князя Бориса Святославича вообще не существовало. Эта замечательная ошибка свидетельствует, что любые претензии сына Вячеслава Ярославича (если у него и был сын) на Чернигов считались невозможными, противоречащими существу сложившихся отношений.

Однако летописный Борис Вячеславич и м е л п р а в о на Чернигов. Чрезвычайно ценное свидетельство Мономаха: «Ходихом том же лете со отцем и со Изяславом биться Чернигову с Б о р и с о м и победихом Бориса и Олга».²⁴ Мономах явно считает Бориса старейшим, главным врагом в битве за Чернигов.

Почему же? Если князь Борис родился, когда Вячеславу Ярославичу было хотя бы 18 лет, то в 1078 г. Борису Вячеславичу было 24 года. Олег был на два-три года старше, и, как сын старшего Ярославича, он имел право на старейшинство. Но, по свидетельству Мономаха, в битве на Нежатиной Ниве старейшим был князь Борис. Летопись с некоторой симпатией рассказывает об Олеге, который не хотел этой битвы. Однако Борис не слушает разумного совета: «...яз им противенвсим. И похвалився велми».²⁵ Это «яз им противенвсим» имеет, по всей видимости, более широкое значе-

²⁰ Р. Вл. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому Синодику... с. 180.

²¹ Родословный владетельных князей российских, роспись I.

²² Родословная книга князей и дворян российских... с. 14.

²³ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6, с. 349.

²⁴ ПСРЛ, т. I, стлб. 248.

²⁵ ПСРЛ, т. II, стлб. 192.

ние. Вещий Олег, завоевав северян и заставив их платить дань русинам, а не хазарам, сказал: «. . . аз им противен, а вам не чему»,²⁶ т. е. «я им враг, а не вам». Борис заявляет, что он враг всем князьям — сынам и внукам Ярослава, стоящим перед ним на поле битвы: Изяславу и Всеволоду Ярославичам, Ярополку Изяславичу и Владимиру Всеволодовичу.

Таким образом, князь Борис: не принадлежал к семье Святослава Ярославича; имел право на Чернигов, и Мономах считал его главным врагом в борьбе за Чернигов; был старейшим среди тмутороканских изгнанников; объявил себя врагом всех Ярославичей.

Не исключена возможность, что князь Борис, хотя он косвенно и назван в летописи племянником Изяслава и Всеволода Ярославичей, вообще не принадлежал к внукам Ярослава. Общеизвестно, что только два Владимировича — Изяслав и Ярослав — дали начало отдельным династиям русских князей. А другие? Ведь у Владимира I было 12 сыновей. В ПВЛ указано, что от Рогнеды «роди 4 сыны: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 тчери; от грекине — Святополка, от чехине — Вышеслава, а от другое — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба»,²⁷ — так в Лаврентьевской летописи. В Ипатьевской летописи Мстислав «от другое» «чехини» не назван, но против сноски к словам «а от другия Святослава» на поле приписано: «Станислав».²⁸

М. В. Ломоносов придерживается первого перечня, в котором два Мстислава, но делает одну очень существенную поправку: «чехиню», которая родила Вышеслава, он ставит перед Рогнедой.²⁹ В этом есть своя логика: если Вышеслав — сын старейший, то и «чехиня» была, видимо, первой женой Владимира Святославича. Но примечательность положения именно в том, что перечень, в котором Вышеслав назван сыном «чехини», третьей жены Владимира, сохранился во всех известных летописях. Кроме уже названных Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, тот же перечень находим в Софийской I, Никоновской, Симеоновской, Львовской летописях, летописных сводах 1497 и 1518 гг., Владимирском летописце и др. В Мазуринском летописце, например, указано: «. . . третья княжна чехиня, от тоя име Вышеслава».³⁰ И в другом месте: «. . . старейший Вышеслав, иже от чехини родися».³¹ В рассказе о крещении летописец перечисляет сыновей Владимира в ином порядке: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав.³² В этом месте Лаврентьевская летопись, как и некоторые другие, противоречит сама себе: исчезает один Мстислав, освобождая место старейшему Вышеславу, появляется Станислав. Вряд ли возможен иной вывод, кроме одного: рассказ о рождении сыновей был не совсем верно отредактирован.

Переработка текста, однако, не затронула старейшинства Вышеслава и не была направлена против него. Видимо, здесь были другие соображения, и редакторы просто не обратили внимания, что с т а р е й ш и й Вышеслав стал сыном т р е т ь е й жены Владимира. Если же несоответствие и было позже замечено, то мало кого интересовало, так как Вышеслав Владимирович не оставил следа в политической истории Руси. И нас в данном случае интересуют лишь мотивы редакционной работы лето-

²⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 17.

²⁷ ПСРЛ, т. I, стлб. 80.

²⁸ ПСРЛ, т. II, стлб. 67 и прим.

²⁹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6, с. 258.

³⁰ ПСРЛ, т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968, с. 42.

³¹ Там же, с. 46.

³² ПСРЛ, т. I, стлб. 124.

писцев. Конечно, старейший Вышеслав был сыном Рогнеды Рогволодовны, как показано у В. Н. Татищева.³³ И не только потому, что Рогнеда была все-таки первой женой, но и потому, что Владимир I мог посадить в Новгороде только потомка Рогволода. Полочане, увлекаемые идеей восстановления былого единства кривичей, в XI—XII вв. не раз пытались включить Новгород в сферу своего влияния.³⁴ Присутствие в Новгороде Вышеслава Владимировича создавало иллюзию единства и предотвращало активное вмешательство варягов из рода Рогволода в дела Руси. Из этих же соображений Владимир I посадил в Новгороде после смерти Вышеслава не Святополка, а Ярослава, внука Рогволода.

Вышеслав ошибочно поставлен в середине перечня в рассказе о рождении сыновей. Но для «ошибки» были какие-то основания. Если Вышеслав — сын Рогнеды, то кого из сыновей Владимира родила третья жена — «чехиня»? В какой город он был определен великим князем? Владимир Святославич посадил своих сыновей на уделы в Новгороде, Полоцке, Ростове, Владимире-Волынском, Муроме, Тмуторокани и др. И ни одна из летописей не упоминает Чернигов. Только у В. Н. Татищева, который использовал не дошедшие до нас летописи, находим, что князь Владимир посадил в Чернигове Вячеслава, сына третьей жены — «чехини».³⁵

Этот факт многое объясняет. Поэтому, нам кажется, необходимо тщательно проанализировать свидетельства «Истории российской» В. Н. Татищева. Прежде всего совершенно исключено, чтобы факт был вымышлен В. Н. Татищевым, который не мог подозревать о существовании этой проблемы и нигде не упоминает потомков какого-нибудь князя Вячеслава в XI в. Более того, В. Н. Татищев считает, что ко времени прихода Мстислава Тмутороканского к Чернигову (1024г.) Вячеслав Владимирович, возможно, уже умер.³⁶

Но это предположение ни на чем не основано. Скорее всего, Вячеслав вынужден был покинуть Русь во времена кровавого вокняжения Святополка Окаянного. Обратим внимание, что Святослав Владимирович, которого настигли в Карпатах убийцы, бежал не в Чехию, к родственникам матери, а в Венгрию, к тестю, венгерскому королю. Вполне возможно, что в Чехии* уже был Вячеслав Владимирович.

Мстислав Владимирович, сын другой «чехини» (и это очень важно!), легко занял черниговский престол не потому, что там умер князь. Есть все основания предполагать, что с 1015 по 1024 г. черниговцы сидели без князя. Когда Святополк привел в 1018 г. на Русь Болеслава I, поляки разошлись «по городомъ на кормъ».³⁷ Это привело к всеобщему недовольству и восстанию русинов, которые перебили польские гарнизоны. Сомнительно, чтобы в этих условиях в Чернигове мог удержаться кто-либо из князей. Поэтому горожане были рады приходу Мстислава Тмутороканского, который и стал основателем независимого Чернигова.

Наконец, изъятие имени Вячеслава Владимировича из летописей — лучшее доказательство того, что этот князь не умер в неизвестности, не исчез бесследно из политической жизни Руси XI в. А его попытки вернуть отчизну неизбежно должны были столкнуться с интересами других княжеских родов, втянуть в конфликт и чешских князей.

Возможно, князь Борис и был сыном Вячеслава Черниговского, внуком Владимира I? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проследить

³³ В. Н. Татищев. История российская, т. II, с. 56.

³⁴ В. Л. Янин, М. Х. Алешковский. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — История СССР, 1974, № 2, с. 47—49.

³⁵ В. Н. Татищев. История российская, т. II, с. 56, 63.

³⁶ Там же, с. 240.

³⁷ ПСРЛ, т. I, стлб. 130.

развитие международных и внутренних межкняжеских отношений. Прежде всего, есть ли в летописях какое-нибудь упоминание об обострении русско-чешских отношений? Да, такая запись есть, единственная в XI в. В 1076 г. великий князь Святослав послал против чехов русские войска во главе с Владимиром и Олегом.³⁸ Хотя летопись рассматривает поход в Чехию как военную помощь полякам, все же нужны были основания для конфликта со стороны русинов. Видимо, вмешательство чехов в русские дела было очень серьезным и нежелательным: такими могли быть территориальные претензии и требования о праве наследования.

Конфликт между Русью и Чехией почти совпал по времени с попыткой Бориса Вячеславича утвердиться в Чернигове. Тогда же Всеволод Ярославич, вышедший навстречу Изяславу и полякам с огромным войском, поспешил примириться со старшим братом и добровольно уступил ему Киев. Ярославичей объединили общие интересы и общая тревога. Та же острая тревога звучит в обращении Изяслава к Всеволоду, который в августе 1078 г. был разбит Борисом и Олегом и приехал к брату за помощью. Князь Изяслав сказал: «... аще будеть нама причастье в Руской земле, то обема, аще лишена будеде, то обема».³⁹ Изяслав как будто уверен, что оспаривается не только право на Чернигов, но и великокняжеская власть. Вполне понятно, что племянники не могли представлять такой угрозы для Ярославичей, тем более — претендовать на Киев. Остается согласиться, что Мономах сказал правду: главной опасностью был князь Борис.

С «крамолой» Бориса Вячеславича совпало и усиление военной активности польского короля Болеслава II Смелого. В 1073 г. поляки не приняли изгнанного из Руси Изяслава Ярославича, «показавше ему путь от себе».⁴⁰ И это закономерно. Болеслав не хотел выступать против тестя своего Святослава. А весной 1077 г. Болеслав оказывает Изяславу всяческую помощь и сам возглавляет войска, вторгшиеся в пределы Руси. Поддержав Изяслава, злейшего врага Святославичей, Болеслав Смелый тем самым навлек на братьев своей жены смертельную опасность. Видимо, для такого шага были очень серьезные причины. Во всяком случае, такую же действенную помощь Болеслав оказал Изяславу и в 1069 г., когда киевляне пригласили на престол представителя другой династии — князя Всеслава Брячиславича. Может быть, в 1077 г. возникла аналогичная ситуация? Обращает на себя внимание тот факт, что перед походом на Русь Болеслав ходил против чешского князя Вратислава.⁴¹

Нет оснований отождествлять поход Болеслава II с походом русских князей, которые были посланы Святославом Ярославичем в помощь не Болеславу, а князю Владиславу. Однако между двумя походами (русским и польским) на чехов есть какая-то связь: оба похода были направлены против чешского князя Вратислава. Примечательно, что интересы Ярославичей и поляков объективно совпадают по двум направлениям: в борьбе против чешского князя Вратислава и против «крамолы» князя Бориса. Не исключена возможность, что Борис Вячеславич опирался на помощь чешских князей. Все это наталкивает на мысль, что князь Борис не принадлежал к внукам Ярослава, а был сыном Вячеслава Владимировича. Поэтому утверждения Бориса в Руси так боялся Болеслав II, который вел войну с Чехией.

Борис Вячеславич, претендуя на Чернигов, строго придерживался отчинного права, которое практиковалось на Руси во времена Владимира I

³⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 199.

³⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 191—192.

⁴⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 183.

⁴¹ В. Н. Татищев. История российская, т. II, с. 248.

и Ярослава Мудрого. После того как Изяслав был изгнан и Святослав стал великим князем киевским, Чернигов переходит к Всеволоду Ярославичу. Но умирает Святослав, Всеволод утверждается в Киеве, а Чернигов должен перейти во владение не к племянникам или сыновьям Всеволода, а к двоюродному брату — Борису Вячеславичу, тем более что Вячеслав Владимирович, его отец, был черниговским князем. Поэтому и приняли Бориса черниговцы. Вслед за этим договор Изяслава с Всеволодом нарушил складывающиеся отношения, обернулся заговором против князя Бориса и Святославичей, которые невольно стали временными союзниками в борьбе против Ярославичей.

Святослав Ярославич, изгнавший старшего брата из Руси, понимал, что его княжение не очень популярно и, возможно, непрочно. Однако, пока Чернигов находился под его контролем, он мог маневрировать. Даже возможное возвращение Изяслава не подорвало бы его положения черниговского князя. Но появление Бориса Вячеславича и его претензии на Чернигов могли лишить его, Святослава, отчины. И, видимо, еще тогда, в 1076 г., в период похода против Чехии, были предприняты меры, чтобы изъять из Киевской летописи упоминание о Вячеславе, которому Владимир I отдал Чернигов. Но редактирование текста было сделано небрежно. Летописец уже с самого начала столкнулся с почти непреодолимой трудностью: Вячеслав был единственным сыном третьей жены Владимира — «чехини». И если выбросить упоминание о Вячеславе, то как быть с княгиней? Ведь общеизвестно, что у Владимира Святославича было до крещения 6 жен. Уменьшить это число редактор не осмелился. Наконец, было найдено не совсем удачное решение — подменить Вячеслава Вышеславом, поскольку имена похожи. Так старейший сын Владимира стал сыном третьей жены.

Но на этом злоключения редактора не кончились: нужно было придумать еще одного сына Рогнеды, так как Вышеслав стал сыном «чехини». Летописец избрал имя «Мьстислав», не заметив, что это имя уже упомянуто среди сыновей Владимира. Ипатьевский летописец устранил неувязку, заменив Мстислава, сына «чехини», Станиславом, но допустил новую грубейшую ошибку: оставшийся «Мьстислав» оказался старшим братом Ярослава. В рассказе о крещении придуманный «Мьстислав» не появился; Вышеслав, как и подобает, возглавил перечень, а место изъятых Вячеслава занял Станислав, которому Владимир I отдал вроде бы Смоленск.

Станислав, сын второй «чехини», так и не нашел своего постоянного места в летописях — иногда он исчезает, иногда появляется рядом со Святославом и даже Мстиславом, своими единоутробными братьями; некоторые летописи (С1, Ипатьевская, Вологодско-Пермская, летописные своды 1497 и 1518 гг.) совсем вытесняют Мстислава. В перечне сыновей, крещенных Владимиром, Станислав занимает десятое место. Если он назван вместо Вячеслава, то, значит, последний был намного моложе старших братьев. Младший из Владимировичей — Судислав — умер в 1063 г., пережив своего отца на 48 лет. Вячеслав Владимирович мог быть не старше Судислава. Поэтому Борису Вячеславичу было в 1077—1078 гг. не больше, чем младшим из Ярославичей, — 40—45 лет.

После изъятия имени Вячеслава Владимировича из летописей среди князей XI в. остался единственный Вячеслав — сын Ярослава Мудрого, князь смоленский. Летописная традиция неминусом должна была связать Бориса Вячеславича именно с Вячеславом Ярославичем. Только в XV—XVI вв. историки-летописцы Московского государства пришли к правильному выводу, что князь Борис Черниговский не может быть сыном Вячеслава Ярославича. Но они не нашли лучшего решения, как

заменить Вячеславича несуществовавшим Борисом Святославичем. Все это внесло значительную путаницу в освещение исторических событий 70-х годов XI в.

С точки зрения конца XII в., борьба и гибель князя Бориса были незначительным эпизодом. А династия Ольговичей утвердилась в Чернигове, оказывала большое влияние на политическое положение всех княжеств и земель. Поэтому автор «Слова» выдвигает Олега на первый план, как наиболее последовательного борца за отчину. Но знал ли автор «Слова» о происхождении Бориса Вячеславича? Похоже, что знал.

В «Слове» изложен не столько факт смерти Бориса Вячеславича, сколько отношение автора к этому факту; довольно выразительно очерчены контуры проблемы. Автор придерживается летописного толкования исторического события («... слава на судъ приведе» — «... убиша Бориса... похвалившегося велми»), но именно в «Слове» нашли свое отражение изъяты из летописей обстоятельства и мотивы политической борьбы.

Д. С. Лихачев, анализируя данные о Борисе Вячеславиче, заметил, что в этом месте «Слова» «суд» может иметь два смысла: 1) наказание божие за похвальбу; 2) битва на Нежатиной Ниве, которая была «судом божим» между противоборствующими сторонами.⁴² Действительно, здесь не только говорится о гибели князя Бориса (в другом месте «Слова» о смерти сказано просто: никому «суда божия не минути»), — «суд» имеет политический смысл. Если летописец, придерживаясь религиозной морали, сосредоточивает внимание только на том, что князь Борис был наказан за похвальбу, то автор «Слова» рассматривает вопрос шире. «Суд» у него имеет реальное воплощение в политической жизни и быту XI—XII вв., когда правда и право иногда определялись в боевых поединках и испытаниях. Подобный пример есть и в Киевской летописи. Изяслав Мстиславич, идя в 1151 г. на битву с Юрием Суздальским, заявил: «... се уже мы идем на суд божий».⁴³ Князья оспаривали право на Киев, причем у Юрия было больше прав, чем у его племянника Изяслава. Но киевляне приняли Изяслава.

Таким образом, автор называет битву на Нежатиной Ниве «судом» именно потому, что в ней оспаривалось право на Чернигов. Святославичи еще не претендовали на эту отчину. Олег почти год (в 1077—1078 гг.) был полугоstem-полупленником в Чернигове, Всеволод давал в его честь обеды, так как не боялся за свою власть. Право на Чернигов имелось только у Всеволода, а также у Бориса Вячеславича, но непродолжительное время. И тогда же князь Борис сделал попытку утвердиться в Чернигове. Горожане приняли его в мае 1077 г., когда у него было право на Чернигов, и, не желая отступать, приняли в августе—сентябре 1078 г. Возникла ситуация, которую могла разрешить только «битва-суд».

Князь Борис Вячеславич выступает в этой «битве-суде» один — только его «слава на судъ приведе». Олега здесь нет, или, вернее, он где-то на втором плане. Такая позиция автора «Слова» поразительно совпадает со свидетельством участника битвы Владимира Мономаха: «... ходихом ... биться Чернигову с Борисом и победихом Бориса и Олга». В летописном изображении битвы поведение Олега более чем странно: фактически он предал князя Бориса в самый решительный момент. Но похоже, что тактика Олега одобрена летописцем.

Автор «Слова» начинает рассказывать о событиях «старого времени» с описания героических деяний Олега. Рассказ о нем начат с более позд-

⁴² Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — В кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, с. 411.

⁴³ Летопись по Ипатьскому списку. СПб., 1871, с. 300.

него периода, когда Олег обосновался в Тмуторокани и оттуда угрожал Всеволоду и Владимиру (1083—1094 гг.). Затем автор возвращается к битве на Нежатиной Ниве и как бы противопоставляет двух союзников: «Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе». Этот литературный прием — нарушение хронологической последовательности — является убедительным свидетельством, что автор искал аргументы для утверждения права именно Олега на Чернигов. Значит, у него были серьезные опасения быть непонятым.

Князь Борис явно не пользуется симпатией автора «Слова», и эту неприязнь можно объяснить только тем, что князь претендовал на черниговский престол. Но проиграв «битву-суд», князь Борис подтвердил право Олега на Чернигов. Действительно, гибель Изяслава Ярославича и Бориса Вячеславича открывала путь Всеволоду в Киев, а Святославичам — в Чернигов.

Борис Вячеславич погиб «за обиду Олгову, храбра и млада князя». Здесь автор «Слова» дает характеристику Олегу в сравнении с князем Борисом, уже старшим воином. И это вполне оправданно, так как автор возвращается в этом эпизоде к молодым годам Олега, к началу его бурной деятельности. Поэтому слова «храбра и млада князя» могут относиться только к Олегу, а не к князю Борису, о котором автор «Слова» пишет с оттенком неприязни и осуждения.

То, что Борис Вячеславич оказался не племянником, а двоюродным братом Ярославичей, в некоторой степени меняет традиционную оценку исторического кругозора автора «Слова о полку Игореве», а также наши представления о политических силах и стимулах, которые действовали в отчинных войнах 70-х годов XI в. Автор «Слова» не возлагает ответственность за разорение Руси на Олега Святославича. Для него эпоха Олеговых походов так же велика, как «вѣчи Трояни» и «лѣта Ярославля». Это видно хотя бы из того, что Олег ступаетъ въ златъ стремя, т. е. собирается в поход, и автор подчеркивает славу его походов из Тмуторокани, а не позор. Организатором раздора был князь Борис Вячеславич, который, по мнению автора «Слова», и заслуживает порицания.

Гибель князя Бориса Вячеславича и особенно смерть великого князя Изяслава, которая произошла при довольно странных обстоятельствах, могли быть тщательно подготовленным политическим убийством. Но политический крах Бориса, сына Вячеслава Владимировича Черниговского, закономерен. Слишком далеко ушла Русь в своем развитии со времен Владимира I, укрепилась и выросла могучая династия русских князей, потомков Ярослава. Династические браки связывали дом Ярославова со многими монархиями Европы.

В 1054 г. произошел раскол христианства на католическую и православную церкви. Русское духовенство, Всеволод Ярославич ориентировались на византийскую церковь и враждебно встречали всякое вмешательство римского папы и католических стран в русские дела. Ни Борис Вячеславич, опиравшийся на чешских князей, ни Изяслав Ярославич, дважды приводивший поляков и искавший покровительства у папы, не нашли поддержки и сочувствия в Русской земле. Еще в 1069 г. Феодосий Печерский предупреждал князя Изяслава о пагубности его ориентации на иноверцев во внешней политике, предостерегал о возможных последствиях этой политики. Опасная конфронтация с могучими католическими соседями угрожала независимости Руси, поэтому князь Бориса фактически не поддержали даже мятежные Святославичи. Эти политические отношения наиболее полно отразились в «Слове о полку Игореве».